

ЧАК ПАЛАНІК

ЧАК ПАЛАНИК

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

П 14

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Chuck Palahniuk

LULLABY

Перевод с английского Т. Покидаевой

Компьютерный дизайн В. Половцева

Книга содержит нецензурную брань.

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Donadio & Olson, Inc. Literary Representatives и Andrew Nurnberg.

Паланик, Чак.

П 14   Колыбельная : [роман] / Чак Паланик ; [пер. с англ.
Т. Ю. Покидаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. —
288 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-081952-2

Это — Чак Паланик, какого вы не то что не знаете — но не можете даже вообразить. Вы полагаете, что ничего стильнее и болезненнее «Бойцовского клуба» написать невозможно?

Тогда просто прочитайте «Колыбельную»!

...СВСМ. Синдром внезапной смерти младенцев. Каждый год семь тысяч детишек грудного возраста умирают без всякой видимой причины — просто засыпают и больше не просыпаются... Синдром «смерти в колыбельке»? Или — СМЕРТЬ ПОД «КОЛЫБЕЛЬНУЮ»? Под колыбельную, которую, как говорят, «в некоторых древних культурах пели детям во время голода и засухи. Или когда племя так разрасталось, что уже не могло прокормиться на своей земле».

Под колыбельную, которую пели изувеченным в битве и смертельно больным — всем, кому лучше было бы умереть. Тихо. Без боли. Без мучений...Это — «Колыбельная».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84 (7Coe)-44

© Chuck Palahniuk, 2002

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2002

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-081952-2

*Палки и камни могут и покалечить, а слова по лбу
не бьют.*

Посвящение следует

ПРОЛОГ

Поначалу новые хозяева делают вид, что не смотрят на пол в гостиной. То есть особенно не приглядываются. Не тогда, когда смотрят дом в первый раз. И не тогда, когда перевозят вещи. Они измеряют комнаты, распоряжаются, куда ставить диваны и пианино, распаковывают коробки, и во всей этой суете у них не находится времени, чтобы посмотреть на пол в гостиной. Они делают вид.

А потом, в первое утро на новом месте, они спускаются вниз, и вот оно, нацарапано на дубовом паркете:

УБИРАЙТЕСЬ

Одни хозяева делают вид, что это шутка кого-нибудь из приятелей. Другие уверены, что это все потому, что они не приплатили носильщикам.

А еще через пару ночей начинается детский плач — из северной стены хозяйской спальни.

Обычно тогда они и звонят.

Очередной новый хозяин на телефоне — это вовсе не то, что нужно нашей героине, Элен Гувер Бойль, в это конкретное утро.

Все эти заикания и рыдания в трубку.

А что ей нужно, так это еще одна чашка кофе и домашняя птица из семи букв. Ей нужно прослушать ра-

диосканер, пеленгующий полицейскую частоту, чтобы быть в курсе событий. Элен Бойль шелкает пальцами, пока в дверях не появляется секретарша. Наша героиня прикрывает телефонную трубку обеими руками и кивает на радиосканер:

— Там код девять-одиннадцать.

Секретарша, ее зовут Мона, пожимает плечами и говорит:

— И чего?

Она проверяет по справочнику и говорит:

— Расслабься. Это кража в магазине.

Убийства, самоубийства, серийные убийства, случайные передозировки — нельзя дожидаться, пока сообщения об этом появятся на первых полосах газет. Нельзя, чтобы какой-то другой посредник обставил тебя в гонке за очередным перспективным клиентом.

Элен нужно, чтобы новый хозяин дома №325 на Крествуд-террас заткнулся хотя бы на полминуты.

Разумеется, неизменное УБИРАЙТЕСЬ образовалось на полу в гостиной. Странно другое: как правило, детский плач начинается только на третью ночь. Сначала — призрачное послание, потом — детский плач на всю ночь. Если хозяевам хватит смелости продержаться неделю, они обязательно позвонят на восьмой день — насчет лица, которое отражается в ванной, когда в нее набирают воду. Одутловатое сморщенное лицо с черными провалами вместо глаз.

В начале третьей недели появляются призрачные тени, которые медленно кружат по стенам столовой, когда семья собирается за столом. Наверное, это еще не конец, но никто пока не выдерживал больше трех недель.

Элен Гувер Бойль говорит в трубку:

— А вы уверены, что сумеете доказать на суде, что этот дом непригоден для жизни, вы уверены, что сумеете доказать, что предыдущие хозяева знали, что там

происходит... — Она говорит: — Я вам скажу. — Она говорит: — Вы проиграете дело, о доме пойдет дурная слава... кстати, вашими же стараниями... и вы его не продадите даже за полцены.

Это неплохой дом, №325 на Крествуд-террас: в стиле эпохи английских Тюдоров, новая крыша из современных материалов, четыре спальни, три ванные, еще один дополнительный туалет. При доме — бассейн. Нашей героине даже не нужно смотреть каталог. Этот дом она продавала шесть раз за последние два года.

Еще один дом, на Этон-корт, типичный для Новой Англии домик, двухэтажный с фасада и одноэтажный с тыла, шесть спален, четыре ванные, лестничная площадка обшита панелями из сосны, и кровь растекается по стенам кухни. Этот дом она продавала восемь раз за последние четыре года.

Новому хозяину она говорит:

— Подождите минутку на линии, — и жмет красную кнопку.

Сегодня Элен во всем белом: белый костюм и туфли. Только это не ослепительно снежно-белый, а белый, как трасса для горнолыжного спуска на канадском курорте Банфф, с личной машиной, с наемным шофером, четырнадцать стильными чемоданами, подобранными друг к другу, и номером в отеле «Лейк-Луис».

Повернувшись к двери, наша героиня говорит:

— Мона? Лунный луч? — И чуть громче: — Бесплотная дева?

Она стучит ручкой по сложенной вчетверо газете у себя на столе и говорит:

— Не знаешь: грызун из пяти букв, но не крыса?

Радиосканер булькает и издает слова, всхрюки и треск, повторяя: «Как понял?» — через каждую фразу. Повторяя: «Как понял?»

Элен Бойль кричит:

— Это разве кофе?!

Через час она едет встречаться с клиентом — показывать дом. Особняк в стиле эпохи королевы Анны, пять спален, отдельный вход в гостевое крыло, два газовых камина и лицо самоубийцы, обожравшегося барбитурата, которое появляется поздно ночью в зеркале в дамской комнате. Потом — одноэтажный «фермерский» дом с паровым отоплением, большим подвалом и периодически повторяющимся грохотом призрачных выстрелов — отголосков двойного убийства десятилетней давности. Все это записано у нее в ежедневнике — толстой тетради в переплете из материала, похожего на красную кожу. У нее там записано все.

Она отпивает еще глоток кофе и говорит:

— Как он называется? Швейцарский армейский мокко? Кофе должен быть по вкусу похож на кофе или я чего-то не понимаю?

Мона встает в дверях, сложив руки на животе, и говорит:

— Чего?

И Элен говорит:

— Я хочу, чтобы ты съездила и проверила... — она листает каталог у себя на столе, — ...ага, №4673, Уиллмонт-плейс. Особняк в голландском колониальном стиле, солярий, четыре спальни, две ванны и убийство приотягающих обстоятельствах.

Радиосканер трещит:

— Как понял?

— Все как обычно, — говорит Элен, пишет адрес на карточке и передает карточку Моне. — Ничего там не трогай в астральном смысле. Не надо жечь листья полыни и изгонять бесов.

Мона берет карточку с адресом и говорит:

— Просто проверить дом на наличие вибраций?

Элен рубит воздух ладонью и говорит:

— Я не хочу, чтобы духи срывались к какому-то яркому свету по тоннелям в тонкой материи. Я хочу, чтобы они оставались на этом астральном срезе, у меня на них свои планы. — Она опускает глаза на газету, разложенную на столе, и говорит: — У них впереди целая вечность, у мертвецов. С них не убудет еще лет пятьдесят побродить по дому и погреметь цепями.

Новый хозяин дома №325 на Крествуд-террас все еще ждет на линии. Элен Гувер Бойль смотрит на мигающий огонек на телефоне и говорит:

— Что-нибудь вчера обнаружилось в том испанском особняке на шесть спален?

Мона возводит глаза к потолку. Закусывает верхнюю губу и тяжело вздыхает. Потом косится на прядь волос у себя на лбу и говорит:

— Там определенно присутствуют токи тонкой энергии. Потусторонние силы есть, но они очень слабые. Но зато нижний план замечательный. — Черный шелковый шнур обвивается вокруг ее шеи и исчезает в уголке рта.

И наша героиня говорит:

— Нижний план идет лесом.

Ей не нужны замечательные дома, которые продаются раз в пятьдесят лет. «Дом, милый дом» идет лесом. Вместе со слабыми проявлениями тонкой энергии: холодными областями, непонятными испарениями, беспокойством домашних животных. Что ей нужно, так это кровь, растекающаяся по стенам. Ей нужны ледяные невидимые руки, которые по ночам стаскивают малышей с кроватей. Ей нужны горящие красным глаза у подножия лестницы в подвал. И подходящая атмосфера гнетущей таинственности.

Дом с верандой, №521 на Эльм-стрит: четыре спальни, оригинальные решетчатые ворота и вопли на чердаке.

Особняк в нормандском стиле, №7645 на Вестонхейтс: арочные окна, буфетная комната, двери с витражными стеклами и призрак с многочисленными ножевыми ранениями в коридоре на втором этаже.

Дом в деревенском стиле, №248 на Леви-плейс: пять спален, четыре ванны, один дополнительный туалет, кирпичный патио и периодически проявляющиеся кровоподтеки на стенах хозяйской ванной, отголосок убийства водопроводчика посредством отравления.

Риэлторы называют такие дома несчастливыми. Эти дома либо вообще никогда не продаются, потому что никто не любит показывать их клиентам и никто из риэлторов не рискует заходить туда в одиночку, либо, наоборот, продаются и продаются — раз примерно в полгода, — потому что в них невозможно жить. Еще штук двадцать — тридцать таких домов с эксклюзивным правом на продажу, и Элен можно будет расслабиться. Отключить радиосканер. Закончить читать некрологи и полицейскую хронику на предмет убийств и самоубийств. Прекратить гонять Мону — проверять все вероятные варианты, которые могут дать ключ к разгадке. Ей можно будет расслабиться и подумать над породой лошадей из пяти букв.

— И еще я тебя попрошу, заberi мои вещи из химчистки, — говорит она. — И сделай нормальный кофе. — Она наводит на Мону ручку и говорит: — И я тебя очень прошу, сними ты эту свою растаманскую хренотень. Мы же все-таки серьезная фирма.

Мона тянет за черный шелковый шнур и достает изо рта кристалл кварца, блестящий и мокрый. Дует на него и говорит:

— Это кристалл. Мне его Устрица подарил, мой бойфренд.

И Элен говорит:

— Ты встречаешься с парнем по имени Устрица?

Мона роняет кристалл на грудь и говорит:

— Он говорит, это мне для защиты.

На ее оранжевой блузке остается темное влажное пятно.

— Да, и пока ты не ушла, — говорит Элен, — соедини меня по телефону с Биллом или Эмили Барроуз.

Она нажимает на кнопку ожидания на линии и говорит:

— Прошу прощения. — Она говорит, что есть несколько вариантов. Например, новый хозяин подписывает документ о формальном отказе от права собственности и спокойно съезжает, а с домом уже разбирается банк. — Или, — говорит наша героиня, — вы мне выписываете доверенность на эксклюзивное право продажи дома. Это у нас называется «карманный листинг».

Может быть, новый хозяин сейчас скажет: *нет*. Но когда он пойдет принять ванну и в воде у него между ног возникнет эта кошмарная рожа, когда по стенам забегают странные тени, он скажет: *да*. Еще не было случая, чтобы кто-то не согласился.

Новый хозяин на том конце линии говорит:

— И вы ничего не расскажете покупателям... о проблеме?

И Элен говорит:

— Вы не распаковывайте, что осталось. Мы скажем, что вы уже выезжаете. Если кто-нибудь спросит, скажите, что вам предложили работу в другом городе. Скажите, что вам очень нравится этот дом и вам жалко его продавать.

Она говорит:

— А все остальное останется нашей маленькой тайной.

Мона кричит из приемной:

— Билл Барроуз на второй линии.

Радиосканер трещит:

— Как понял?

Наша героиня нажимает на кнопку и говорит в трубку:

— Билл!

Глядя на Мону, она произносит одними губами:

— Кофе.

Она кивает на окно и так же беззвучно, одними губами, говорит Моне:

— Иди.

Радиосканер трещит:

— Как понял?

Это *была* Элен Гувер Бойль. Наша героиня. Теперь мертвая, но не покойная. Это был просто еще один день в ее жизни. Это была ее жизнь до того, как появился я. Может быть, это история о любви. Может быть, нет. Поживем — увидим. Потому что я сам не уверен, насколько мне можно себе доверять.

Это история об Элен Гувер Бойль. О том, как она не дает мне покоя. Как навязчивая мелодия, застрявшая в голове. О том, какой, мы себе представляем, должна быть жизнь. О том, что цепляет и не отпускает. О том, как прошлое тянется следом за нами в будущее.

Да, именно так. И все это — Элен Гувер Бойль.

У каждого в жизни есть кто-то, кто никогда тебя не отпустит, и кто-то, кого никогда не отпустишь ты.

В тот день — последний день в обыкновенной, нормальной жизни — наша героиня говорит в трубку:

— Билл Барроуз?

Она говорит:

— Пусть Эмили подойдет к параллельному телефону, у меня хорошая новость. Я нашла замечательный дом, вам понравится.

Она пишет РЫСАК по горизонтали и говорит:

— Насколько я понимаю, хозяин очень заинтересован, чтобы продать дом побыстрее.

Глава первая

Трудность любого рассказа: он всегда получается задним числом.

Даже «живой» комментарий на радио — круговые пробежки и страйк-ауты — все равно отстает от реальных событий на пару минут. Даже прямые трансляции по телевидению идут с задержкой на две-три секунды.

Даже у звука и света есть ограничения в скорости.

*Еще одна трудность — рассказчик. Кто, что, где, когда и почему. Его личный настрой и пристрастия. Как он передает факты. Какой из него **посредник**, как это называется у журналистов. Как он умеет подать материал, поскольку правильно поданный материал — это все.*

Рассказ в рассказе.

Эту историю я рассказываю кусками — каждый раз в новом кафе. Я пишу эту книгу по главам, главу за главой — каждый раз в новом месте, в новом городе, или в маленькой деревушке, или просто на съезде с шоссе где-нибудь в чистом поле.

Эти места объединяет одно — чудеса. Чудеса типа тех, о которых обычно пишут в бульварных изданиях, все эти чудесные исцеления и видения, о которых не упоминают в серьезной прессе.

На этой неделе мы имеем Святую Деву Уэлбурнскую, соответственно в Уэлбурне, штат Нью-Мексико. На про-